

Глава 18. Провокация

Император Ци, если вдуматься, мало подходил на роль грозного владыки. Был он слишком страстным и одновременно — пугающе холодным. Без памяти любя благородную супругу Цзяюань, он переносил эту слепую привязанность и на Цзи Яньсина. К прочим же обитательницам гарема оставался безучастен, а до сыновей, рожденных ими, снисходил лишь в случае крайней нужды.

Глядя на это, Цзи Яо невольно признавал: Цзи Яньсин родился под счастливой звездой. Настоящий баловень судьбы — красив, силен, хоть и не без трагического надлома. Впрочем, трагедия его была лишь половинчатой, ведь его родители любили друг друга и его самого искренней, неподдельной любовью.

Вот кто хлебал горечь полной ложкой, так это сам Цзи Яо. Промучившись без сна полночи, сегодня он был обязан предстать перед заграничными послами бодрым, сияющим и величественным, словно сошедший с небес дракон. Цзи Яньсину такая маска далась бы без труда, но он буквально валился с ног от усталости.

Собрав остатки воли, Цзи Яо встал в ряд с другими принцами и сановниками у дворцовых врат. На первый взгляд все казалось мирным.

— До чего же хороши наши принцы! — вполголоса шептались придворные. — Осанка, стать — истинные драконы и фениксы.

— Верно сказано. Одно их присутствие заставит этих заморских варваров умерить спесь.

К столице стянулись посольства двадцати восьми малых государств. Многотысячная процессия растянулась по тракту, и самым внушительным среди прочих выглядел караван Великого Ди.

Принцы выстроились во главе встречающих. Второй принц, Цзи Юань, искоса взглянул на младшего брата и ядовито процедил:

— А у нашего седьмого брата, погляжу, отличный вид. Что значит молодость — даже бессонная ночь нипочем.

Цзи Яо сразу понял: соглядатаи Юаня уже доложили тому о ночном визите во дворец.

— К чему эти намеки, второй брат?

— О, теперь наш седьмой еще и искусно притворяется простаком. Далеко пойдешь.

— Прекратите оба. Послы на подходе, — сухо оборвал их старший принц, Цзи Чун,

недовольный тем, что второй брат затевает свару с самого утра.

— Да какая разница? — лениво зевнул пятый принц, Цзи Ин. — Выбрали бы двоих самых представительных, да и дело с концом. Отец все равно твердит, что от меня никакого толку. Я бы сейчас лучше в поместье спал.

Восьмой принц, Цзи Ян, негромко кашлянул в кулак и предупреждающе произнес:

— Пятый брат, побереги язык.

В такой момент малейший слух о раздорах в императорской семье мог стать оружием в руках чужеземцев. Позор перед варварами — полбеда, куда опаснее дать им повод для тонкой политической игры.

Цзи Ин пренебрежительно хмыкнул, но замолчал.

«Зачем им вообще нас стравливать? — подумал Цзи Яо, украдкой наблюдая за братьями. — С таким недалеким антагонистом, как второй брат, мы и сами прекрасно справимся с саморазрушением».

— Как бы там ни было, речь идет о чести государства, — твердо произнес Цзи Чун. — Мы — сыновья императора и слуги престола. Наш долг — явить миру величие государства Ци.

— Первый брат совершенно прав, — поддержал его Цзи Ян.

В ряду принцев зияли пустоты. Из восьми братьев до сегодняшнего дня дожили лишь пятеро: третий, четвертый и шестой принцы сгинули еще в детстве. Даже без глубоких познаний в истории несложно было догадаться о причинах. Слабость лекарей — лишь ширма, за которой обычно скрывались жестокая борьба за благосклонность и безжалостные яды. Дворцовые стены хранят немало мрачных тайн.

Тем ценнее были те немногие, кто сумел уцелеть в этой мясорубке.

Ближе к полудню под грохот барабанов и приветственные крики толпы передовые отряды посольского каравана показались у подножия крепостной стены.

Малый генерал Фу Ян, возглавлявший эскорт, спешился и преклонил колени перед принцами:

— Приветствую ваши высочества. Посольства сопредельных стран доставлены без происшествий.

— Вы отлично справились, малый генерал Фу, — взял на себя роль распорядителя Цзи Чун.

— Мой долг, ваше высочество, — ответил Фу Ян.

Поднявшись, он обменялся быстрыми понимающими кивками с Цзи Яо. Об их крепкой дружбе с ранних лет знали все во дворце — это давно ни для кого не было тайной.

Следом за имперской гвардией двигались бесконечные повозки кочевников Великого Ди.

Шелковая занавесь на передовой карете отодвинулась, явив публике грузное лицо с густой лохматой бородой. Изнутри пахло хмелем. Хозяин кареты, могучий широкоплечий степняк, вальяжно полулежал на подушках, обнимая за плечи двух изнеженных, смазливых юношей. Стоило ему заговорить, как у всех присутствующих свело зубы от его развязного тона:

— Ого, так вот оно какое — государство Ци? Да уж, славы больше, чем дела. Ничего особенного.

— Это Аомуга, — вполголоса шепнул Цзи Яо подошедший Фу Ян. — Родной брат Аоруя, нового кагана Великого Ди.

«Новый правитель степей, похоже, придает этому визиту огромное значение, раз прислал родного брата», — подумал Цзи Яо. Ему казалось, что за последние недели он задействовал весь багаж знаний, накопленный за предыдущие восемнадцать лет жизни. Еще немного — и он сам сможет написать трактат по дворцовым интригам.

Выживать у подножия престола оказалось задачей похлеще подготовки к выпускным экзаменам. Мозг работал на пределе возможностей.

Тем временем из повозки Аомуги доносились капризные голоса.

— Хада, Хани, пойдемте прогуляемся, разомнем ноги, — обратился великан к своим фаворитам.

— Каган Муга совершенно прав, — слащаво протянул юноша по имени Хада. — Вернетесь в степи и так и передадите великому кагану: здешние южане совсем измельчали.

Аомуга тяжело спрыгнул на землю и сощурился, глядя на встречающих:

— О, а это, надо полагать, хваленые принцы Государства Ци?

Цзи Юань вспыхнул от ярости и шагнул вперед:

— Дерзость! Перед тобой господа, а ты лишь вассал! Почему не склоняешь голову?

Слова его были справедливы. Великое Ди платило дань Государству Ци, и по законам вассалитета любой кочевой князь обязан был выразить покорность императорским сыновьям.

Аомуга презрительно оглядел Юаня:

— Ты и есть тот самый седьмой принц, Цзи Яо?

— Я — второй принц, Цзи Юань!

— Смех да и только! — расхохотался степняк, и его прихвостни подхватили этот издевательский смех. — В ваших южных землях все твердят, что истинный наследник — седьмой по счету. А ты тогда что за птица? С какой стати мне перед тобой кланяться?

Это был прямой выпад, плевок в лицо государственной чести.

«Паршиво, — мелькнуло в голове Цзи Яо. — Этот бородач сознательно стравливает нас с братьями». Однако молчать сейчас означало уронить достоинство империи. Сделав широкий шаг вперед, он перетянул внимание на себя.

— Я — Цзи Яо.

— Так вот ты какой... седьмой принц, — Аомуга осекся на полуслове, и он посмотрел на него с откровенным, плотоядным восхищением.

Матушка Цзи Яо, благородная супруга Цзяюань, слыла первой красавицей Поднебесной, да и сам император в юности отличался благородной статью. Его братья были недурны собой, но на его фоне они казались лишь блеклыми тенями.

— Именно так. Каган Муга, не пора ли вспомнить о приличиях и поприветствовать хозяев? — голос Цзи Яо звучал ровно и прохладно.

Скрыв похотливый блеск во взгляде, Аомуга прижал ладонь к груди и коротко склонился:

— Приветствую седьмого принца. Слухи не лгали — вы действительно прекрасны, словно драгоценный нефрит.

— Мой каган, как можно склоняться перед этим южанином! — возмутился было Хада.

Аомуга резко обернулся и отвесил фавориту затрещину:

— На колени, дурачье! Живо!

Оба юноши, скуля от страха, повалились в дорожную пыль. Аомуга считал, что истинная красота заслуживает уважения, в каком бы обличье она ни являлась.

подавив подступившую тошноту от этого сального взгляда гостя, Цзи Яо заговорил строго по протоколу, стараясь сберечь остатки престижа государства:

— Прошу иностранных послов следовать за чиновниками ведомства ритуалов. Согласно обычаю, во внутренний город вы вступаете пешими.

— Идти пешком? — заныл второй прихвостень, кутаясь в меха. — Великий каган, в бескрайней степи никто не смеет заставлять нас спешиваться!

— Зато в Государстве Ци это священное правило, не знающее исключений, — отрезал Цзи Яо. Даже не взглянув на фаворитов, он возвысил голос: — Каган Муга, научите своих слуг держать язык за зубами.

— Вы слышали, господин?! Он назвал нас рабами! — взвизгнул Хада.

— Заткнитесь оба, если жизнь дорога, — цыкнул на них Аомуга. — Седьмой принц говорит дело.

«Две дешевые фальшивки и одна жемчужина», — подумал кочевник, плотоядно разглядывая Цзи Яо.

Цзи Яо внутренне передернуло. Кто бы мог подумать, что на государственной службе ему придется терпеть взгляды, один в один похожие на те, какими его одаривали старые похотливые продюсеры в шоу-бизнесе. Но он знал, как поставить наглеца на место.

— Прошу вас, каган, — Цзи Яо жестом указал на ворота. — Во дворец для почтенных гостей уже накрыты столы для праздничного обеда.

Стоило спесивым степнякам пройти вперед, как остальные мелкие посольства потянулись следом — безропотно, соблюдая все тонкости этикета.

Цзи Чун и Цзи Ян негромко переговаривались, с явным облегчением выдохнув. Лишь Цзи Юань стоял чернее тучи. Жалкие кочевники посмели заявить, что он, второй принц Государства Ци, не стоит и мизинца этого выскочки Цзи Яо! Ярость душила его, добавляя новую монету в копилку ненависти к седьмому брату.

Когда последний гость скрылся за воротами, Цзи Яо подозвал верного слугу:

— Дэбао, немедленно ступай к управляющему Фушоу. Передай, чтобы приглядывали за Аомугой. Этот варвар доставит нам немало хлопот.

— Будет исполнено, господин, — склонился слуга.

Цзи Яо потер ноющие виски. Ему казалось, что он испустит дух от переутомления задолго до начала главного военного смотра.

Тем временем в современном мире Цзи Яньсину предстояло сыграть непривычную роль — подменить Цзи Яо на съемках промо-материалов. Переживать о превратностях судьбы сейчас было бессмысленно, оставалось лишь уповать на то, что грядущая ночь окажется ясной и они снова поменяются телами.

Достав телефон, он набрал номер друга:

— Фу Ян.

— Цзяо-цзяо? — удивленно отозвалась трубка. — Ты же вроде сегодня на фотосессии для нового сериала? С чего вдруг решил позвонить?

— Мне нужен точный адрес студии.

— А я-то откуда знаю? У меня роль эпизодическая, меня на съемки постеров не зовут. Хотя погоди, в общем чате проекта точно скидывали локацию, сейчас гляну... — Фу Ян осекся. Цзи Яо не мог не знать адрес собственной съемки. — Погоди. Ты... Яньсин?

— Да, — лаконично подтвердил принц.

— Мать твоя женщина! Ну и дела! — Фу Ян едва не взвыл. Цзи Яо зубами выгрызал эту роль, отменил все прочие проекты, чтобы сосредоточиться на подготовке, и теперь все его труды могли пойти прахом. — Вы что, опять поменялись телами?

— Похоже на то. Но полной уверенности нет, — ровным тоном ответил Цзи Яньсин. Правда откроется лишь под лунным светом.

— Сейчас скину адрес в мессенджер. Друг, ты буквально спасаешь положение! Если съемка сорвется, Цзяо-цзяо по возвращении точно удавится на первом же суку.

— Я обещал ему, — негромко обронил принц.

В дверь спальни настойчиво постучали. Раздраженный женский голос донесся из коридора:

— Цзяо-цзяо! Это Ань Жань. Ты проснулся? Я приехала за тобой, нам нужно спешить, мы катастрофически опаздываем!

Цзи Яньсин прижал руку к подбородку, обдумывая ответ, а затем спросил у друга:

— Кто такая Ань Жань?

— Ань Жань? Это личная помощница Цзи Яо. Ей можно верить, поезжай с ней, она все устроит.

— Хорошо.

— Яньсин, держись там и будь осторожнее. Чуть что — сразу звони мне!

— М-хм.

Сбросив вызов, Фу Ян обреченно уставился в пространство.

— Эй, бро, ты чего завис? На поле выходить думаешь или как? — окликнули его приятели по баскетбольной площадке.

— Иду я, иду... Просто почувствовал, как в мою жизнь вновь стучится суровая зима.

— Да ну тебя с твоим бредом! Давай шевелись!

«Они там телами меняются, развлекаются, а отдуваться в итоге мне», — тоскливо подумал Фу Ян, чувствуя себя многодетным отцом-одиночкой.

Тем временем Ань Жань, бесцеремонно ввалившись в квартиру, ухватила Цзи Яньсина за предплечье и потянула к выходу:

— Цзяо-цзяо, давай быстрее! Вечно ты до последнего валяешься в постели.

Цзи Яньсин мягким, но решительным движением высвободил руку. Ему, воспитанному в строгих традициях императорского двора, было крайне неловко от подобной фамильярности со стороны молодой девицы.

Они вихрем долетели до съемочного павильона. Внутри как раз завершалась съемка актрисы

Цзин Ин, которая уже собирала вещи.

— Цзи Яо! Сюда! — приветливо помахала ему рукой Цзин Ин.

Ань Жань легонько подтолкнула принца локтем:

— Быстрее, тебя зовет учитель Цзин.

Цзи Яньсин направился к ней, про себя удивляясь обилию свободных женщин вокруг. Подойдя ближе, он сложил ладони и чинно поклонился:

— Приветствую вас, учитель Цзин.

Цзин Ин прыснула со смеху, решив, что парень просто слишком глубоко вжился в роль:

— Цзи Яо, ты чего это удумал? Видно, режиссер тебя совсем замучил репетициями! Мы же еще не на площадке, брось эти церемонии. И вообще, — она шутливо присела в полуреверансе, — я ведь играю твою супругу. Если кто и должен кланяться, так это я тебе.

— Не смею принять, — серьезно ответил Цзи Яньсин.

«Учитель Цзин... Стало быть, она старшая коллега Цзи Яо. И играет его жену? То есть... моего будущего императора-супруга?» — эта мысль заставила принца внутренне подобраться.

Цзин Ин искренне симпатизировала этому талантливому юноше. Она по-дружески потрепала его по волосам:

— Я уже закончила свою часть. Давай, ступай на грим, а мне пора бежать дальше — плотный график. Удачи, Цзяо-цзяо!

Цзи Яньсин едва удержался, чтобы не отпрянуть. Местные женщины казались ему невероятно, пугающе раскованными.

Однако настоящие испытания ждали его впереди.

За него взялась девушка-гример в защитной маске. Она приблизилась к его лицу почти вплотную — между ними оставалось от силы ладони две расстояния, — и принялась сосредоточенно наносить различные мази и порошки на его кожу.

Кончики ушей Цзи Яньсина вспыхнули пунцовым цветом. Он замер, боясь сделать даже вдох. «Это уже переходит всякие границы приличия...» — панически билась мысль в его голове.

Благородная кожа Цзи Яо была безупречна, но даже при этом принцу пришлось перетерпеть томительные двадцать минут, пока гример колдовала над его лицом. Затем на него приладили тяжелый парик, и к работе приступил стилист по волосам.

К великому облегчению Цзи Яньсина, этот мастер оказался мужчиной.

Свобода нравов этой страны поражала воображение. Но еще больше удивляло то, что женщины здесь трудились наравне с мужчинами и сами зарабатывали себе на хлеб. Цзи Яо как-то упоминал, что его помощница Ань Жань окончила университет — аналог столичной Академии Сыцзыцзянь! Немыслимое дело. В этом мире мужчины и женщины пользовались равными правами, без тени сословного или полового угнетения.

На фоне этого уклады его родного Государства Ци казались закостенелыми и безнадежно устаревшими.

Даже оказавшись в столь нелепом положении, наследник престола не мог избавиться от привычки мыслить масштабами государственного блага.

Вскоре юная костюмерша принесла ему облачение. Наряд превзошел все ожидания принца: парчовое черное одеяние с золотой каймой и широкими рукавами в точности повторяло парадный доспех Государства Ци.

— Учитель Цзи, примерьте вот это, — затараторила девушка. — Сегодня мы снимаем только образ периода вашей бытности принцем. Императорское платье понадобится позже, его дошьют к финальным сценам.

Цзи Яньсин расправил тяжелую ткань и нахмурился:

— Для принца эта вышивка недопустима.

— Что? Что-то не так?

— На груди вышит пятилапый дракон. Принцам дозволено носить лишь четырехлапого змея-питона. Облачиться в такое — значит открыто заявить о притязаниях на трон. За подобную дерзость карают смертью.

— Сяо Цзин! Дура! Ты все перепутала, это не тот комплект! — в панике подскочила старшая костюмерша, выхватывая вешалку. — Простите великодушно, учитель Цзи! Девочка совсем зеленая, стажерка еще, ничего не соображает.

Она сердито зыркнула на подчиненную. Снимись актер в таком виде — и исторические консультанты проекта смешали бы всю съемочную группу с грязью.

Заметив, что молоденькая стажерка едва не плачет от страха, Цзи Яньсин смягчил тон:

— Пустяки. Не стоит гневаться.

— Спасибо вам, учитель Цзи. Вы невероятно великодушны, — лепетала испуганная девушка. Она знала, как капризны бывают заезжие знаменитости, но этот благородный господин повел себя как истинный аристократ. Отныне она твердо решила стать его преданной поклонницей.

Облачившись в правильные одежды, Цзи Яньсин вышел к зеркалу. Проходивший мимо стилист удивленно присвистнул:

— Потрясающе, Цзи Яо! Сколько тебя помню по прошлым фильмам, никогда не замечал в тебе этой царственной стати. Как влитой сидит!

Необычный пепельный оттенок волос Цзи Яо, за который его не раз журила матушка, теперь был скрыт под искусной прической. Легкий грим лишь подчеркнул благородные черты лица. Из зазеркалья на принца смотрел он сам — Цзи Яньсин, наследник великой империи.

Он долго всматривался в собственное отражение. Странное чувство: владея одним телом на двоих, он словно видел сквозь пелену миров душу Цзи Яо, блуждающую сейчас в далеком государстве Ци.

«Возможно, это и есть та самая неразрывная связь, преодолевающая тысячелетия», — подумал он.

У Ань Жань при виде преобразившегося подопечного перехватило дыхание. Ей показалось, что в этом образе Цзи Яо мог бы молча стоять в кадре на протяжении всех серий — и зрители все равно не смогли бы оторвать глаз от экрана.

Режиссер по свету обошел актера кругом, удовлетворенно кивая. Природную красоту и врожденный аристократизм невозможно симитировать — они либо есть, либо их нет.

— Цзи Яо, сейчас встань вон туда, на фоне белого экрана, и замри, — скомандовал фотограф. — Мы настроим софиты. Я буду подсказывать по ходу, как повернуться. Когда сработает вспышка, постарайся не зажмуриться.

Принц молча кивнул и занял указанное место. Вокруг засуетились ассистенты, выставляя отражатели и замеряя экспозицию. От непривычно яркого света Цзи Яньсин непроизвольно сощурился.

Цзи Яо терпеливо объяснял ему, что актерское ремесло в этом мире — не удел бродячих фигляров, а уважаемый и тяжелый труд. И действительно, стоя под прицелом десятков ламп, Цзи Яньсин не чувствовал себя триумфатором, скорее — изнуренным воином на затянувшейся

службе.

Он привычно завел одну руку за спину, расправив широкие плечи.

— Отлично! Замри! Лицо спокойное, не мигать! — зычно выкрикнул фотограф.

Раздался резкий щелчок затвора, и павильон на миг затопила ослепительно белая вспышка. Взглянув на получившийся снимок на экране компьютера, мастер лишь восхищенно покачал головой.

С таким лицом и врожденной грацией ретушера здесь делать было решительно нечего.

<http://bllate.org/book/20677/2162715>